

Стоящий подобно дереву

Нгуависси-данг

сцена. 2003 - 15 июля - 18

«Жан жуан» совсем не похож на Дон Жуана

Майя Крылова

Программу Чеховского фестиваля завершил коллектив из Тайваня. На родине он скромно называется «Кульминация», а на гастролях имеет название «Экспериментальная балетная труппа – Физический театр Эмки». Из рекламы было известно, что публике предложат соединение восточных боевых искусств с западным современным танцем. Первым делом зрители насладились фоном – увеличенным фотоизображением рук, скрещенных с ногами. Потом с потолка на сцену спустился экран с видеозаписью главного таинства – того, что и называется «жан жуан» («стоящий подобно дереву»). Оказалось, что понимать это выражение нужно буквально: на ветвях дерева стоит танцовщик и выделывает пассы телом.

После видеобаланса на сцену вышли живые и хорошо двигающиеся исполнители. Все остальное напоминало разминку мастеров китайского боя. Из понятий «театр» или «спектакль», как это понимается западнее Тайваня, и вовсе ничего не приключилось. Но взыскать за это с хореографа Ши Джи-Тзе никак нельзя. Бывший школьный учитель и уличный портретист, он хоть и решил заняться танцем в восторге от увиденной «Весны священной» Мориса Бежара, но, обуреваемый патриотическим желанием «возвеличить в двадцать первом веке значение искания родины», создал не танцевальную компанию, а физкультурный хореографический ансамбль, построенный на буддистских традициях.

Зрелище по-своему впечатляет, только, честно говоря, на «Жан жуан» надо было не билеты продавать в рамках Чехов-

ского фестиваля, а распространять приглашения среди многочисленных поклонников восточных единоборств. Они смогли бы профессионально оценить, как «сброс энергии, созданной в точке «кви» ниже пупка, позволяет телу резко наклониться вниз или в лежачем положении элегантно скользить по земле», а потом энергия течет «между пальцами, коленями, ногами, талией, спиной и плечами», и все это «закаляет поясницу и ноги».

А зануды-критики печально наблюдали, как в череде сольных и групповых выступлений медленно тонули внутренняя динамика зрелища и композиция целого. Без этого никакой балет немыслим, зато вполне мыслимо занятие гимнастикой. Не помог и микст из песнопений тайваньских аборигенов, старинной тибетской, японской, индонезийской музыки и хлоп-

ков ладонями по телу. Зрелище, смахивающее на учебные бои или показательные выступления ушу, стало для обозревателя «НГ» чем-то похожим на классический балетный класс, вдруг объявленный балетом. В истории танца опыты класс-концертов делались не раз. Но это всегда был класс, так или иначе театрализованный. Движения у европейского балетного станка никогда не претендовали ни на что, кроме своего прямого назначения – учить танцовщика его ремеслу. А на Востоке все не так. Там каждый, извините, чих что-то да значит, каждое движение что-то высокое в себе да несет. Автор «Жан жуана», например, обещал ни много ни мало «вскрыть содержание восточного тела». Зрителю, знакомому с предметом главным образом по кино про летящего тигра и крадущегося дракона, приходится трудно.

